

Посвящается настоящему Генри

«Кто... владеет... кольцом, того снедает
тревога, у кого его нет, того гложет
зависть».

*Рихард Вагнер, композитор,
примерно 170 лет назад*

«Я не хочу кольцо — хочу на море!
Почему мы не проводим каникулы как
все нормальные семьи?»

*Генри Смут, ученик,
недавно, в начале школьных каникул*

Глава 1

Пицца с салями, трое бандитов и миграционная служба

На самом деле я хотел только заказать пиццу — честно, клянусь! Пиццу с салями и с шампиньонами, экстратонкую и без бортов, с двойной моцареллой. В общем, обычное дело — ну, может, не считая бортов. Поэтому для меня остаётся загадкой, с чего это какой-то двухметровый верзила, войдя со своими дружками в дверь нашего пансиона, применяет теперь ко мне приёмчик «захват шеи в замок». Но с другой стороны — попробуй-ка мыслить ясно, когда висишь в этом захвате вверх тормашками.

Я замечаю, что мне постепенно становится худо. Возможно, это из-за исходящего от великана запаха, потому что воняет прямо-таки отвратительно! Разит ли от его тёмных спутанных волос или от грубой, в прорехах одежды, точно не знаю, — зато знаю, что долго

в таком положении не выдержу и меня вырвет. Его коллеги выглядят не так дико, точнее — даже вполне нормально, насколько я могу судить, вися вниз головой. Спасите! Спасите! СПАСИТЕ! Я ещё немного рыпаюсь, а потом сдаюсь. Бесполезно. Я зажат так плотно, словно меня закатали в бетон.

Великан что-то рычит остальным — к сожалению, ничего не разберу, ведь рычит он на каком-то языке, которого я до сих пор никогда не слышал. Но похоже, он отдал приказ обыскать мою комнату, потому что тащит меня теперь именно туда, а остальные бандиты распахивают и перерывают все шкафы. Вот только что они там ищут?

Великан яростно трясёт меня:

— На кого ты работаешь? Ну же, говори давай!

— Я не понимаю, о чём вы! Отпустите меня! — в отчаянии кричу я. Разумеется, он меня не отпускает, а, наоборот, трясёт ещё сильнее. В эту секунду ко мне в комнату врывается Хильда.

— Сейчас же отпусти его! — набрасывается она на великана. Тот, вздрогнув, удивительным образом делает то, что ему велела Хильда, — отпускает меня. Или, можно сказать, роняет. Шмяк! Я с размаху приземляюсь на

голову и в лёгком одурении остаюсь валяться у ног великана. Тот, наклонившись, шепчет мне на ухо:

— Передай ему, что мы будем действовать быстрее. Мы всегда проворнее его. — Затем он наносит мне кулаком удар в бок, выпрямляется и что-то кричит двум другим психам: что — я опять не понимаю. Не проходит и десяти секунд, как все трое испаряются.

Я на всякий случай немного выжидаю, а потом, встав на ноги, потираю голову, где уже растёт здоровенная шишка. Хильда садится рядом, искоса разглядывая меня со стороны.

— Ай! Что это было, чёрт побери?! — прочитаю я. — Или лучше сказать — кто? Ты их знаешь?

Хильда чуть мешкает:

— Я? Э-э-э... нет.

Внутреннее чутьё говорит мне, что Хильда врёт. Я почти уверен, что она знает, кто эти трое чокнутых.

— А что ты сделал, перед тем как они ввалились сюда? — интересуется она.

— Вообще ничего! Я только-только заказал себе пиццу. В службе доставки — их флаер висит на доске объявлений у госпожи Скульдмёллер. «Папина пицца» или как-то так. В дверь позвонили, и я, конечно же,

подумал, что принесли мою пиццу. А вместо этого в дом вломились эти придурки и напали на меня.

Хильда, склонив голову набок, хитро улыбается. На носу у неё при этом танцуют веснушки, и своими светло-рыжими волосами она сейчас напоминает мне Пеппи Длинный-чулок.

— Слушай, Генри... на будущее — не заказывай больше пиццу, ладно?

Больше она ничего не говорит. Попросту встаёт и оставляет меня в комнате в полном одиночестве. Ну, супер! Ещё полчаса назад я думал, что эти каникулы будут ужасно скучными, теперь же у меня другое подозрение: боюсь, они будут просто ужасными.

Когда папа четыре месяца назад объявил, что у него появились совершенно потрясающие, супермегафантастические планы на летние каникулы, я было решил, что он забронировал для нас какой-нибудь номер люкс в гостинице прямо в Диснейленде. Я всегда мечтал побывать там. Или курс по сёрфингу на пляже Санта-Барбары. Да хоть бы и две недели в Майами. Но вместо двух недель во Флориде папа решил провести три месяца в Германии. Три месяца! В Германии! И не

где-нибудь в крутом большом городе типа Берлина или Гамбурга, нет — мой папочка на полном серьёзе собрался в какую-то дыру под названием Байройт. Причём на всё время. Никогда раньше о ней не слыхал. Пришлось сперва поискать на карте. И вокруг — ничего. Nada¹. Niente². Глухомань. Для взрослых это наверняка суперместечко. Милое такое, культура на каждом углу, и природа вокруг — просто мечта, но ближайший по-настоящему большой город находится в двухстах километрах. В общем, суцая катастрофа, особенно если тебе двенадцать и к природе ты совершенно равнодушен. Как и к хорошеньким маленьким городкам.

Я уже так и слышал ехидный смех одноклассников. Все делают что-то крутое — только Генри Смарт в своём репертуаре. Он три месяца проведёт в деревне. Что неудивительно, подумают они: ведь Смарты постоянно на мели. Что поделаешь — творцы. Вернее, творцы-неудачники. Такие на каникулах всегда занимаются всякой тоскливой фигнёй, выискав себе самое беспонтовое место в мире. Особенно покатывалась бы со смеху эта дура

¹ Ничего (*исп.*).

² Ничего (*итал.*).

Мелисса Эджвуд. Если уж она и едет в Европу, то не в Байройт, а быстренько самолётом в Париж. Или в Рим. Или в Лондон. Или проводит каникулы с семьёй на яхте, или летит на шопинг в Нью-Йорк — но это уж действительно в самом крайнем случае. У меня денег хватает самое большее на летний скаутский лагерь, или мы с папой путешествуем с палаткой.

Короче, я предложил папе просто остаться дома. Как-никак живём мы в Сан-Франциско, а это однозначно самый красивый город в мире. Но отговорить его не удалось. Он хотел, чтобы я наконец познакомился со страной своих предков. Ведь моя мама была немкой. На самом деле мы всегда мечтали втроем махнуть на её родину, но, к сожалению, поехать туда ей уже не довелось.

И вот теперь Байройт. Эта идея пришла папе в голову якобы потому, что там летом всегда проходит гигантский фестиваль. Ну так вот. Вообще-то папа работает художником по гриму в оперном театре Сан-Франциско, а теперь нашёл себе работу на этом фестивале. Летом в оперном театре мёртвый сезон — идеальное совпадение. С точки зрения папы. Уж он-то от своей собственной идеи был в полном восторге.

— Поверь мне, Генри, тебе там понравится. Это же шанс с большой буквы — познакомиться с Германией не в качестве туриста, а, так сказать, «изнутри». Говорят, Байройт просто сказочный городишко, действительно очень красивый! И ты наконец-то сможешь снова говорить по-немецки, пока окончательно всё не забыл. Это будет великолепно!

Глаза его сияли, и я решил ничего больше на эту тему не говорить. Если уж папа что-то вбил себе в голову и так вдохновлён, его всё равно не остановишь. Что ж, значит, скучное лето в Германии. Так я, по крайней мере, думал. Как уже было сказано — ещё за полчаса до этой минуты.

Хильда возвращается в мою комнату. Она живёт в том же пансионе, где и мы с папой. Но не как клиент, а постоянно, поскольку пансион принадлежит её тётушкам и она живёт с ними. Госпожа Скульдмёллер, госпожа Урдман и госпожа Вердан-Димитровски — три пожилые дамы, немного странные, но, впрочем, действительно милые. Они вместе обслуживают жильцов «Ясеня» — так называется пансион. Что случилось с родителями Хильды, мне неизвестно. Она примерно моя ровесница, но на этом общее между нами и заканчивается.